

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ. ДОГМА И ИННОВАЦИИ

ИЯ В. НЕЧАЕВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
ул. Волхонка, 18/2, 119019 Москва, Россия
e-mail: inechaeva@mail.ru
(получено 11.06.2015, принято 25.09.2015)

Abstract

Modern Russian orthography. Dogma and innovations

This paper analyzes the problem of updating the normative Russian orthographic base. In contrast to a dogmatic approach, which involves attempts (most often unsuccessful) to change concrete orthographic norms, the necessity of abandoning orthographic dictatorship and solving the general norm-setting problems is set forth. We are dealing with orthographic analogies, the opposition of intrasystem and etymological spelling factors for loanwords, etc. An investigation is made of the notions of spelling norm, orthographic error, and orthographic variability. The plurality of linguistic reasoning in the area of neology and the ambiguity of spelling tendencies are illustrated by modern examples.

Key words

Orthography, norm, variability, language changes, tolerance, codification principles.

Резюме

В статье анализируется проблема обновления нормативной базы русского правописания. В противоположность догматическому подходу, выражающемуся в попытках изменения конкретных орфографических норм (чаще неудачных),

утверждается необходимость отказа от орфографического диктаторства и решения общих проблем нормирования. Это вопрос об орфографических аналогиях, вопрос оппозиции внутрисистемных и этимологических факторов письма для заимствований и др. Исследуются понятие нормы в правописании, понятие орфографической ошибки и орфографическая вариативность. На современных примерах показана множественность лингвистических мотивировок в области неологии и неоднозначность тенденций письма.

Ключевые слова

Орфография, норма, вариативность, языковые изменения, толерантность, принципы кодификации.

Законодательная база русской орфографии состоит из правил правописания и академического орфографического словаря. На сегодняшний день действующим регулятором правописания де-юре являются *Правила русской орфографии и пунктуации* 1956 года, утвержденные Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Поскольку составленное полвека назад пособие, при всех его достоинствах, не может удовлетворять современным требованиям правописания, была предпринята попытка его обновления. В 2000-е годы была создана новая редакция *Правил...* с подзаголовком *Полный академический справочник*, впервые опубликованная в 2006 году, которая де-факто и является действующим кодифицирующим источником, не прошедшим, правда, официального утверждения (но одобренным в целом Орфографической комиссией РАН). Поскольку «Правила», естественно, не могут охватить и исчерпать все изолированные, единичные случаи спорного или двойственного написания¹, за отдельными справками следует обращаться к орфографическому словарю. Обновленный *Русский орфографический словарь* последним своим (4-м) изданием вышел в 2012 году. Объем его составил 200 000 единиц, данных «в нормативном написании».

Для чего необходимо обновлять кодифицирующую базу правописания с течением времени? В чем суть такого обновления? Помимо причин, связанных с естественным развитием языка (и прежде всего — пополнением его лексического состава, появлением неологизмов, нуждающихся в прохождении этапа орфографического нормирования), это может быть вызванное жизнью требование осовременить способы описания орфографических норм, приведя их в соответствие с сегодняшним состоянием науки о языке. Однако существуют и более радикальные пути обновления, выражающиеся в стремлении к усовершенствованию самих правописных норм. Как известно, на протяжении XX столетия было осуществлено несколько попыток реформирования русской орфографии.

¹ *Правила русской орфографии и пунктуации*. Москва: Учпедгиз, 1956, с. 4.

В 1917–1918 гг. первая реформа правительственными декретами была проведена в жизнь. Содержание ее касалось в основном графических замен (*ъ, ъ, ъ* на *е, ф, и* и др.), а также правописания окончаний прилагательных (*-ого* вместо *-аго, -его* вместо *-яго* и др.), некоторых местоимений и др. Остальные радикальные попытки внести изменения в письмо успеха не имели. Слишком быстро последовавший за первой реформой *Проект Главнауки о новом правописании* 1930 года поддержан не был. Затем был издан свод правил 1956 года, в котором было проведено упорядочение существующих норм и введение нескольких частных написаний. Новая попытка реформирования письма состоялась в 1960-е гг. Тогда под руководством Виктора Владимировича Виноградова и Михаила Викторовича Панова был создан проект усовершенствования русского письма, направленный на более последовательное проведение основного принципа орфографии (фонематического) и более четкого разграничения графики и орфографии. Изменения были продуманными и логичными, но требовали ощутимой коррекции привычных норм (напр.: *мышь, черный*, плюс отмена твердого знака, замена буквосочетания *цы* на *ци* и др.); они не были приняты большей частью общества и не получили соответствующего правительственного утверждения. В последний раз возврат к пересмотру отдельных написаний² произошел в 1990-е гг. под влиянием общественных перемен. Под руководством Владимира Владимировича Лопатина был разработан проект *Правил...*, предложены некоторые частные изменения (*брошура, конвеер, ветренно, дурак-дураком*). Проект вызвал возражения в прессе и в лингвистическом сообществе, нормы письма остались прежними, от предложенных изменений пришлось отказаться³. *Полный академический справочник* и последние издания *Русского орфографического словаря* вышли обогащенными новым лексическим материалом и без нормативных изменений. Обсуждение показало, что общественный запрос на пересмотр укоренившихся и закрепленных традицией написаний отсутствует.

Таким образом, обновление кодифицирующей базы в настоящее время, по сути, сводится к: 1) фиксации языковых новаций и, 2) совершенствованию метаязыка при описании нормативных установлений.

Существует, однако, еще одна сторона проблемы, которая только начинает предметно разрабатываться в лингвистической литературе⁴: это вопрос о том, как сформируется новая письменная норма? Каковы принципы ее установления?

² Данный случай не вполне соответствует понятию реформы, поскольку затрагивает лишь отдельные, частные элементы русской письменной системы, но не систему письма в целом.

³ Подробнее о попытках воздействия на русское письмо см. С.М. Кузьмина. *История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке*. «Русский язык в научном освещении» 2003, № 2 (6), с. 173–191; Б.И. Осипов. *Уроки русских орфографических реформ*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 261–264.

⁴ С.М. Кузьмина. *Нормы орфографии и современная письменная практика*. [В:] *Современный русский язык: Система — норма — узус*. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 47–67; И.В. Нечаева. *Языковые изменения и принципы орфографического нормирования (на материале иноязычных неологизмов)*. «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН». Санкт-Петербург: Наука, 2012. Т. VIII. Ч. 3, с. 325–336.

Каковы доли стихийного и сознательного в этом процессе? Помимо пополнения арсенала правописных норм новым материалом и изменения содержания орфографических предписаний, относящихся к части освоенных слов, перемены в орфографии как регламентирующей письмо системе в принципе могут касаться и 3) **способа определения нормы**, понимания того пути, который приводит к обретению норм правописания, с выявлением активных лингвистических факторов и с применением современных критериев нормативности. В этом, последнем, отношении идеология нормирования русской орфографии не меняется уже на протяжении столетия. Все — удачные и неудачные — попытки обновления были связаны с конкретным языковым материалом, но не с сутью нормирования.

Между тем в настоящее время в письменном языке появились новые реалии, к которым неприменимы существующие правила и для которых отсутствует подходящий языковой прецедент. При этом нередки случаи просчетов в кодификации, когда принятое нормативное решение не поддерживается узусом⁵. Естественно предположить, что в данной ситуации действующая система кодификации письма не вполне отвечает потребностям времени.

В чем же состоят основополагающие **особенности традиционного подхода**? Главные его принципы таковы:

- (1) единство орфографического облика слова, достигнутое любой ценой (иногда ценой компромисса или кодификаторского диктата, выражающегося в принятии волевого условного решения);
- (2) императивность орфографической кодификации;
- (3) универсальность орфографического правила как его идеал; максимальная широта охвата им лексического материала и отсутствие (или минимум) исключений;
- (4) построение орфографической нормы на жесткой дихотомии правильного — неправильного, не допускающей никаких градаций и «полутонов».

На первый взгляд может показаться, что убедительность данных принципов не подлежит сомнению. Соблюдение этих кодификаторских постулатов предполагает написание всех последующих слов по более раннему образцу, унификацию внешне подобных случаев и полный запрет на орфографические варианты.

Но что считать образцом при определении правильной орфограммы? Ответ на этот вопрос нередко обусловлен субъективным подходом кодификатора и произвольностью совершённого выбора. Например, для слова *плеер/плейер* [англ. *player*] при его появлении в языке орфографическим образцом следовало считать слово *леер* или слово *конвейер* (речь идет о передаче сочетания дифтонга [ei] и последующего редуцированного нейтрального гласного)? Для слова *мини(-)вэн* — орфограмму *мини-юбка* или *миниметр*? Для слов *блиц(-)интервью*, *блиц(-)опрос*, *блиц(-)турнир* при решении вопроса об использовании дефиса следует ли считать образцом ранее заимствованное *блицкриг*? Является ли образцом графический облик корневой части слова *метрдомтель* для одноко-

⁵ Таковы, например, написания *риелтор* (с «е»), *блицинтервью* (слитно), *хетчбэк* (с данным распределением букв э/е), *экономкласс* (слитно) и др.

ренного с ним слова *мэтр* в значении 'учитель, наставник'? Применять ли при выборе гласной первого слога у слова *римейк/ремейк* [англ. remake] аналогию со словами типа *реорганизация, реинкарнация* и т.п. (которые имеют иной источник заимствования)? И так далее, список примеров легко может быть продолжен.

Понятно, что основной массив орфографических норм в языке постоянен. Вопрос о принципах нормирования актуален для **нового** материала, связан с письменной адаптацией неологизмов, необходимостью их словарной фиксации и включения в систему русского письма. Для современного этапа большинство проблем правописания связано с заимствованной лексикой. Неологизмы исконного происхождения также активно образуются в языке, однако процесс их орфографирования не осложнен влиянием иного языка и порожденными этим влиянием противоречиями.

Для русской орфографии характерно активное применение принципа унификации: подобное должно быть оформлено подобным образом. Но, как видно на примерах, нередки случаи, когда к рассматриваемому слову могут быть применены одновременно разные аналогии. Так, неологизм *фото(-)арт* орфографически может быть соотнесен с тематическим рядом на *фото...* (*фотовыставка, фотогалерея, фотохудожник*), для которого характерно слитное написание, и одновременно — с рядом на *...-арт* (*тату-арт, копи-арт*), в котором слова пишутся через дефис; аналогично *электро(-)поп* 'музыкальное течение' по начальной части соотносимо со словами *электротехника, электростанция*, а по конечной — с *техно-поп, этно-поп* и подобными. В соответствии с существующим подходом, несмотря на возможные сомнения, кодификатор обязан прийти к однозначному решению и выдать вполне определенный результат, поскольку в русской орфографической традиции кодификация всегда императивна. По мнению Льва Владимировича Щербы, «применение транслитерационного принципа неминуемо ведет к разным непоследовательностям и является источником произвола в правописании»⁶. Это происходит из-за запрета на орфографические варианты.

Специфика **орфографических вариантов** по сравнению с другими вариантами языка состоит в том, что эти формальные разновидности слов существуют лишь на письме, но не в устной речи, они не обусловлены различиями в звуковом составе лексических единиц (что могло бы служить оправданием их существования). Это единицы, различающиеся только написанием и ничем более. Примеры⁷: *казак-козак** [л], *розыскной*-разыскной* [ъ], *фортепиано-фортепьяно* [п'ја], *галеон-галион** [и³], *беби-бэби* [бэ], *Мери-Мэри* [мэ], *капучино-капучино** [ч], *офшор-оффшор** [ф], *экономкласс-эконом-класс, впридачу-впридачу**, *Интернет-интернет* и др. Русское письмо в ряде случаев допускает возможность передачи одного и того же звукового состава двумя или несколькими возможными способами. Естественно, что при контактно-дефисных на-

⁶ Л.В. Щерба. *Теория русского письма*. Ленинград: Наука, 1983, с. 100.

⁷ Некоторые из приведенных вариантов (обозначенные «звездочкой») считаются ненормативными, но существуют (или еще недавно существовали) на письме.

писаниях или в отношении оппозиции прописной / строчной буквы звуковой состав также неизменен, а орфограммы могут варьироваться. Более частотным случаем, однако, является наличие смешанных вариантов, орфографо-языковых, поскольку явления письменной передачи слова (преимущественно заимствованного) зачастую связаны с языковыми явлениями и в той или иной степени отражают произносительные различия. Например: *тоннель* [Λ] — *туннель* [y], *фиорд* [фио] — *фьорд* [ф'jo], *йод* [jo] — *иод* [ио], *бивак* [а] — *бивуак* [ya], *матрац* [ц] — *матрас* [с], *кентавр* [к] — *центавр* [ц], *халиф* [х] — *калиф* [к], *бриллиант* [лиа] — *брильянт* [л'ja], *андеграунд* [гр] — *андерграунд* [ргр], *килт* [л] — *кильт* [л'] и др.

Исходя из принципа единства написаний, орфографическая (а иногда и фонетико-орфографическая) вариативность считается избыточным явлением. Варианты последовательно изгоняются из обихода авторами некоторых словарей, претендующих на нормативность. Этому способствует распространенное (хотя и спорное) мнение о том, что орфография является не уровнем языка, а лишь его костюмом, «оболочкой», подверженной сознательному регулируемому воздействию человека. При таком подходе кодификатор обречен, подавив в себе сомнение, выбирать. Однако, как видим, многообразие графических реализаций часто **оправдано лингвистически**, поскольку на выбор написания каждого отдельного слова одновременно может воздействовать несколько языковых факторов. Это явления, имеющие двойной статус, или случаи так называемой **двойной орфографической мотивации**⁸, касающиеся как исконных слов, так и перешедших из других языков.

Существование вариантных пар основано на плюрализме языковых средств для передачи одного и того же содержания, на избыточности письменной формы. Сама система письма нередко мотивирует двоякие (а иногда и множественные) написания. Приведем несколько примеров.

- (1) Слово *разыскной* в соответствии с правилами должно писаться с буквой **а**, поскольку по правилу в приставках *раз.../роз* без ударения всегда пишется именно эта буква, а под ударением – буква **о**; однако если рассматривать это слово как прямое производное от существительного *розыск* (каковым оно и является), то (опять же, в соответствии с системой языка) нет оснований менять графический состав производящей основы и следует сохранить букву **о**. Данное противоречие и лежит в основе спора о написании этого слова, не утихающего по сей день.
- (2) В одной из наиболее проблемных областей — правописании сложных прилагательных — действуют одновременно два критерия, один из которых — характер отношений между основами сложного слова, а второй — их морфемный состав; в соответствии с первым (семантико-синтаксическим) слитно пишутся прилагательные при подчинительном соотношении основ и дефисно — при сочинительном, равноправном. Однако при этом возможно и применение формально-грамматического критерия, учитывающего

⁸ И.В. Нечаева. *О явлениях и случаях двойной орфографической мотивации*. «Вопросы культуры речи». Вып. XI. Москва: Языки славянской культуры, 2012, с. 148–154.

влияние тенденции к употреблению дефиса при членности первой основы (наличии в ней суффикса). В зависимости от того, какой критерий используется, должны варьировать свое написание такие, например, прилагательные, как *народно(-)поэтический* (от *народная поэзия*), *конно(-)спортивный* (от *конный спорт*), с одной стороны, и *нефте(-)газовый*, *мясо(-)молочный*, *тазо(-)бедренный* — с другой.

- (3) Конфликт между передачей при заимствовании иноязычного произношения или иноязычного написания неологизма хотя и решается обычно в пользу произношения, но бывают случаи, когда это не так, и пример тому — слово *имейл / е-мейл* [англ. e-mail], весьма часто встречающееся именно во втором варианте (который является характерным примером смешанного применения транслитерационного и транскрипционного способов передачи).
- (4) Англицизмы на ... *tion* при русской фонетической адаптации передаются либо комбинацией одних согласных (...*ин/...жн*), либо с произносимым редуцированным гласным (...*шен/...жен*), что связано с различиями между английским и русским произношением (и даже с вариантностью в самом английском произношении⁹), напр. *экиш(е)н* [англ. action], *нон-фикши(е)н* [англ. non-fiction], *ресепши(е)н* [англ. reception], *фьюж(е)н* [англ. fusion] и др.
- (5) При передаче заимствования, имеющего в языке-источнике грамматический статус деривата, следовать ли правилам транскрибирования или применить морфологический принцип русской орфографии, по которому слово рассматривается сугубо синхронно-парадигматически? Этот вопрос возникает применительно к словам типа *блог(е)р*, этимологически производимого от *blog*, но воспринятого русским языком как готовое заимствование от англ. *blogger*. На сегодняшний день этот вопрос не имеет теоретического решения, а между тем от ответа на него зависит сохранение или упрощение двойных согласных на письме.
- (6) В слове *пентхаус* [англ. penthous] глухой согласный на конце при образовании плюральной формы [penthouses] меняет свое звучание — становится звонким. Вопрос, учитывается ли этимологическое позиционное изменение согласного при заимствовании или имеет место ориентация лишь на исходную форму, также не решен теорией орфографического нормирования.
- (7) При образовании усеченного *телик / телек* ('телевизор') с разговорной стилистической окраской (по аналогии с *велик* — 'велосипед') происходит наложение гласных корня *теле-* и суффикса *-ик*; какой гласный в результате наложения должен быть отражен орфографически – вопрос дискуссионный.

Этот ряд двояко мотивированных написаний можно продолжить.

Как следует из сказанного, налицо **ортологическая проблема**. При существовании множественных лингвистических мотивировок как определить, какое написание будет **правильным**? Всегда ли правильно только что-то одно или возможен плюрализм мнений? Русская система письма нуждается в непредвзя-

⁹ Так, английский словарь *Oxford* дает к слову *ресепши(е)н* транскрипцию с немим гласным [risɛpʃn], а словарь *Collins* – с произносимым редуцированным [risɛpʃən].

том взгляде на проблемы нормирования. Правильным принято считать то, что соответствует норме. И здесь встает вопрос о понимании нормы в орфографии.

Надо сказать, что вопрос **об орфографической норме** до сих пор является дискуссионным. Традиционный взгляд основан на убеждении, что орфография — система условная и при этом авторитарная. От пишущего требуется не размышление по поводу обоснованности норм, а их неукоснительное соблюдение. Норма в орфографии отличается от прочих языковых норм большей долей сознательного, в определенной степени навязанного извне, а не сформированного стихийно, под влиянием внутриязыковых процессов, но при этом имеет безусловный императивный статус. Появляющиеся варианты должны быть волевым образом сведены к минимуму, а лучше уничтожены. Существует жесткая антиномия нормы — ошибки (кодификатор не ставит задачу описывать все возможности письменной передачи, ему достаточно указать на одну и подобрать к ней подходящий критерий).

Другая точка зрения заключается в том, что норма в орфографии принципиально ничем не отличается от прочих языковых норм, которые формируются естественным образом в языке через вариативность¹⁰. Кодификация, опережающая формирование нормы в узусе, недостаточно убедительна; вынужденное условное решение может оказать на поверку ошибочным (что нередко и случается). В таких случаях по прошествии времени кодификацию приходится менять, что также негативно сказывается на стабильности письма. Орфографические колебания необходимо не уничтожать, а изучать, поскольку они выявляют тенденции, действующие в письменном языке. Задача лингвиста — фиксировать **сложившиеся** нормы, а не навязывать свой субъективный взгляд на то, как следует писать.

Первый (традиционный) взгляд нам представляется устаревшим, но он оправдан с исторической точки зрения. В эпоху, когда в общественной жизни господствует безальтернативность и приветствуется единомыслие во всем, было бы наивно ожидать принципиально иных взглядов по отношению к языку. Хотелось бы думать, что подобные методы регулирования в области использования языка вместе с 20-м столетием ушли в прошлое. «Новая орфографическая ситуация, связанная с процессами десоветизации, вновь ставит задачу определения границ орфографической свободы русского письма в разных его сферах», — пишет Татьяна Михайловна Григорьева¹¹.

Однако отголоски общественно-политических реалий тоталитарного периода достаточно живучи и выражаются они в преувеличении сознательного фактора в правописании. У лингвистов «возникает представление, согласно которому любые недостатки орфографии могут быть устранены волевым ре-

¹⁰ А.Д. Шмелев. *Орфографические нормы и орфографические правила*. «Русский язык в школе» 2009, № 9, с. 70–75; И.В. Нечаева. *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований*. Москва: Азбуковник, 2011, с. 139–147.

¹¹ Т.М. Григорьева. *Ситуация орфографического режима в русском письме и ее последствия*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 261.

шением <...>. Между тем в свободном обществе такой подход не может быть реализован», — пишет А.Д. Шмелев¹², и это представляется справедливым. Дело не только в том, что живой и изменчивой природе языка более соответствует новый взгляд на упорядоченность в орфографии, при котором спорные явления честно признаются спорными, а императивная кодификация только тогда оправданной, когда она идентична уже сформировавшейся норме; необходимо осознать, что весьма вероятно общественное отторжение искусственного и навязанного языку извне (что мы и наблюдали в процессе обсуждения проекта 1990-х годов).

При этом, разумеется, важно не впасть в другую крайность: современный взгляд на орфографическую норму заменить отрицанием нормы вообще. Просто следует понимать, что есть случаи, когда нормальным является не единичное написание, а двоякое, или даже ряд написаний. В область письменной нестабильности попадают прежде всего заимствования (поскольку для установления их графического облика приходится выходить за пределы русской языковой системы), а также единицы, на орфографию которых влияют экстралингвистические факторы (это касается, например, сферы употребления прописной буквы¹³). К болевым точкам русского правописания относятся также композиты (как иноязычные, так и исконного происхождения или смешанные, типа *блиц-опрос*, *мультимедиа-открытка*), например, сложные прилагательные. Последние представляют проблему с выявлением лингвистических тенденций, релевантных для орфографии.

Как уже говорилось, применяемые в настоящее время критерии их правописания (семантико-синтаксический и формально-графический) иногда входят в противоречие друг с другом. По мнению некоторых исследователей, существует тенденция к дефисному разделению основ при членимости первой части (обычно при наличии суффикса *-н-*) и контактному их присоединению при отсутствии такой членимости. Однако данный критерий не безусловен: по нашим наблюдениям, дефисные написания в этой группе слов и при сочинительном, и при подчинительном соотношении основ и независимо от наличия суффикса часто выглядят более естественно, нежели слитные (ср. *вино(-)водочный*, *мясо(-)молочный* и т.п.). Скорее, на наш взгляд, речь может идти вообще о постепенном вытеснении слитных написаний дефисными в области композитов различной этиологии в русском языке, но это требует исторической проверки. Изменение написания у группы прилагательных с равноправным отношением частей и отсутствием суффикса прилагательного с дефисного на слитное — пример кодификаторского насилия над языком. Ясно, что диагностирование тенденций в правописании — дело совсем неочевидное.

Другие спорные тенденции русского письма касаются, в частности, заимствованных слов: это, например, 1) упрощение двойных согласных (ср. *кил(л)*

¹² А.Д. Шмелев. *Орфографические нормы и орфографические правила...*, с. 74.

¹³ К примеру, нестабильны номинации *П/перестройка*, *Х/холодная война*, *Б/ближнее и Д/дальнее зарубежье*, а также названия должностей и званий, организаций и их подразделений, торговых брендов, праздников, мероприятий, религиозных установлений и др.

ер, бан(н)ер, оф(ф)лайн, лег(г)инсы) и 2) употребление буквы «е» после твердого согласного (*бейдж/бэйдж, хеллоуин/хэллоуин, хайвей/хайвэй*). Речь идет о том, что в некоторых фонетических позициях удвоение сохраняется независимо от степени освоения слова, а также о том, что замена «э» на «е» (что означает отсутствие показа твердости предшествующего звука) осуществляется не во всех случаях: выбор между этими гласными также предположительно зависит от фонетической позиции и других факторов¹⁴. В связи с этим прогнозирующие возможности соответствующих правил, в которых традиционно не прописаны все нюансы из-за стремления к универсальности, крайне низки, если не вовсе отсутствуют.

Таким образом, в той части системы, члены которой подвержены письменным колебаниям, эксплицируется шкала вариантов, существующих на письме. Между одним написанием, лингвистически обоснованным, — и другим, такого обоснования лишенным, может находиться диапазон допустимого, включающий письменные реализации, не противоречащие традициям и принципам письма. За пределами этого диапазона находятся написания, не имеющие реальной лингвистической опоры или не вполне соответствующие этимологии слова. (Например, для слова *фото(-)арт* допустимыми можно считать дефисное и слитное написание с рекомендацией дефисного, а однозначно неправильным — вариант с разделным написанием; для слова *кал(л)анетика* [англ. callanetics от соб. Callan Pinckney] допустимы варианты с одиночным и удвоенным «л», а неправильным следует считать вариант *колонетика*, несмотря на то что он нередко встречается в узусе; для слова *хэтчбек / хетчбэк / хэтчбэк / хетчбек*, имеющего четыре графических реализации, следует предпочесть вариант с «э» после задненебного (для предотвращения его смягчения) — *хэтчбек*, наиболее нежелателен вариант с двумя «э», а остальные допустимы; и т.д.).

В ситуации, когда норма неоднозначна, естественным был бы выход из бинарной парадигмы «правильно–неправильно» и переход в триаду «рекомендуемо–допустимо–ошибочно» с указанием на предпочтительный вариант (исходя из его лингвистического обоснования) и с запретом на написания, оформленные при нарушении принципа графической правильности¹⁵. Допустимыми в данной парадигме должны признаваться варианты, находящиеся в центре нормативной шкалы. Тем самым будет соблюден принцип обоснованности написаний и селективная функция нормы сохранится. Вместо того чтобы объявлять ошибочными все члены вариантного ряда, кроме одного, выбранного произвольно, имело бы смысл разумное и умеренное **ограничение вариативности**. Однако принять такое решение мешают догматические представления об орфографии.

¹⁴ И.В. Нечаева. *О шоп(н)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации*. «Русский язык в научном освещении» 2012, № 1 (23), с. 72–89.

¹⁵ Графически правильной признается такая запись слова, которая, будучи прочитанной по основным правилам языка, дает именно то фонетическое слово, которое записывалось. См. А.А. Зализняк. *Древнерусская графика со смешением ѣ – о и ѣ – е*. [В:] *Отцы и дети Московской лингвистической школы*. Москва: Институт русского языка, 2004, с. 172.

На чем могут быть основаны правописные рекомендации и предпочтения? На понимании того, к чему тяготеет стихийный выбор грамотных носителей языка, что поддерживается практикой употребления, т.е. на тенденциях письма. Этого понимания может быть недостаточно для того, чтобы однозначно предписывать, но достаточно, чтобы дать рекомендации с учетом активных лингвистических процессов. При этом узус как опытная языковая среда может продемонстрировать количественные соотношения в употребительности членов вариантного ряда.

Вопрос о лингвистической статистике как кодификаторском инструменте также относится к разряду обсуждаемых и неоднозначных. Некоторые лингвисты подвергают сомнению репрезентативность интернет-статистики, но при этом не перестают ею пользоваться. На наш взгляд, количественные данные употреблений существенны не столько для определения конкретного написания по принципу наибольшей встречаемости — такой подход был бы слишком примитивным, — сколько для понимания существа проблемы. Так, статистика важна не для того, чтобы выбрать между написаниями, напр., *ремейк* или *римейк*, *офшор* или *оффшор*, *шоувумен* или *шоу-вумен*, *соц-арт* или *соцарт*, а чтобы на материале подобных случаев установить, какой фактор — этимологический или синхронно-парадигматический¹⁶ — является в данном случае определяющим. Количественные данные об употребительности того или иного варианта следует соотносить с происхождением, фонетическими и иными структурными свойствами слова. При правильной постановке проблемы возможно постепенное прояснение действующих тенденций правописания — при условии отказа от поспешного и неоправданного императива в кодификации.

Понятие орфографической ошибки также требует корректировки. В процессе обучения в нас закладывается представление, что ошибка — это любое написание слова, которое отличается от словарного или упомянутого в правилах. Современное состояние языка способно поколебать это положение. Непонятно, какое решение следует принять, если слова еще нет в словарях или если в разных словарях фиксируются различные орфограммы (в отношении неологической лексики случается и такое). Какие из них ошибочны? А может быть, они все правильные? Но если мы хотим сделать выбор единой нормативной орфограммы, то это предполагает наличие ответов на многие вопросы, на сегодняшний день теоретически и практически нерешенные, например: что является орфографической аналогией? Как быть при отсутствии устойчивой традиции написания, если аналогий две (или больше) и они требуют для слова различных

¹⁶ Синхронно-парадигматический принцип написания основан на синхронной орфографической проверке с использованием парадигматических связей слова и без учета его происхождения; см. И.В. Нечаева. *Синхронно-парадигматический принцип в орфографии заимствований. Границы его применения*. [В:] *Русский язык. Исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет. 18–21 марта 2014 г. Труды и материалы*. [Электронное издание]. Москва: Издательство Московского университета, 2014, с. 543.

графических реализаций? Какие факторы — внутрисистемные или этимологические — являются определяющими, и в каких случаях? и т.д.

Уместно вспомнить, что даже основоположник нормативной орфографии академик Яков Карлович Грот, будучи большим ученым, не отрицал наличие случаев, когда возможен «неодинакий взгляд на предмет»: в языке существует «множество таких причин разнообразия, которые вполне устранить едва ли возможно. Когда в правописании господствуют рядом одно с другим два начала, то возникает вопрос: где и как провести резкую черту законности между тем и другим? (...). Поэтому, как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловно. Надобно уметь отличать важные разногласия от неважных»¹⁷. Алексей Александрович Шахматов и Дмитрий Николаевич Ушаков также не исключали возможности двояких написаний.

Итак, столкновение орфографической догмы и реальности побуждает к поиску инновационных путей совершенствования русского письма. Все предшествующие попытки воздействия на письмо были постулируемы представлением об орфографической норме как сознательном человеческом установлении. Инновации в орфографии понимались как императивные изменения частных письменных установлений, иногда с более последовательным проведением основного принципа правописания. Очевидно, что время требует изменения преобладавшего до сих пор взгляда на само понятие нормы в орфографии и на пути ее обретения применительно к неустойчивой части языковой системы. Инновационность современного подхода не в реформах, а в толерантности, в отказе от «орфографического диктаторства», «режимного» управления письмом¹⁸, а также в решении **общих проблем нормирования**, в требовании адекватности письма развивающемуся языку — но, разумеется, при соблюдении критериев нормативности. Уважительное отношение к основам русского правописания не исключает осторожного пересмотра принципов кодификации, а последний не лишает письмо упорядоченности, забота о которой остается одной из главных задач орфографа.

Литература

- Григорьева Т.М. *Ситуация орфографического режима в русском письме и ее последствия*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 259–261.
- Грот Я.К. *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1876.
- Зализняк А.А. *Древнерусская графика со смешением ъ – о и ь – е*. «Отцы и дети Московской лингвистической школы». Москва: Институт русского языка, 2004, с. 165–192.

¹⁷ Я.К. Грот. *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. Санкт-Петербург, 1876, с. 177–178.

¹⁸ Т.М. Григорьева. *Ситуация орфографического режима в русском письме и ее последствия*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 259–261.

- Кузьмина С.М. *История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке*. «Русский язык в научном освещении» 2003, № 2 (6), с. 173–191.
- Кузьмина С.М. *Нормы орфографии и современная письменная практика*. [В:] *Современный русский язык: Система — норма — узус*. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 47–67.
- Нечаева И.В. *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований*. Москва: Азбуковник, 2011.
- Нечаева И.В. *О шоп(п)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации*. «Русский язык в научном освещении» 2012, № 1 (23), с. 72–89.
- Нечаева И.В. *О явлениях и случаях двойной орфографической мотивации*. «Вопросы культуры речи». Москва: Языки славянской культуры, 2012. Вып. XI, с. 148–154.
- Нечаева И.В. *Синхронно-парадигматический принцип в орфографии заимствований. Границы его применения*. [В:] *Русский язык. Исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет. 18–21 марта 2014 г. Труды и материалы*. [Электронное издание]. Москва: Издательство Московского университета, 2014, с. 543.
- Нечаева И.В. *Языковые изменения и принципы орфографического нормирования (на материале иноязычных неологизмов)*. «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН». Санкт-Петербург: Наука, 2012. Т. VIII, часть 3, с. 325–336.
- Осипов Б.И. *Уроки русских орфографических реформ*. [В:] *Русистика на пороге XXI века. Проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*. Москва: ИРЯ РАН, 2003, с. 261–264.
- Правила русской орфографии и пунктуации*. Москва: Учпедгиз, 1956.
- Шмелев А.Д. *Орфографические нормы и орфографические правила*. «Русский язык в школе» 2009, № 9, с. 70–75.
- Щерба Л.В. *Теория русского письма*. Ленинград: Наука, 1983.